

На правах рукописи

ЛЮ ДИ

**Русское деепричастие как единица перевода: грамматические,
семантические и прагматические аспекты перевода на китайский
язык**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Автореферат на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2014

Работа выполнена на кафедре теории и методологии перевода «Высшей школы перевода» (факультета) ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Грязнова Анна Тихоновна

Научный консультант: кандидат филологических наук, доцент
Румянцева Марина Витальевна

Официальные оппоненты: **Курдюмов Владимир Анатольевич**
доктор филологических наук, профессор,
ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет,
заведующий кафедрой китайского языка»

Носенко Игорь Григорьевич
кандидат филологических наук, доцент,
«Дипломатическая академия МИД РФ»,
профессор кафедры русского и других славянских языков

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Московский государственный областной университет»

Защита состоится «17» сентября 2014 г. в 17.00 часов на заседании диссертационного совета Д 501.002.15 на факультете «Высшая школа перевода» при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, д. 1, стр. 51, 1-ый учебный корпус. Ауд. 1132.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, д.27, Фундаментальная библиотека).

Автореферат разослан «   » ____ 2014 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

Костикова О.И

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Деепричастие – это грамматический класс слов, выделяемый на структурно-семантической основе, оно существует во многих языках. Анализ русскоязычной научной литературы показал, что этот грамматический феномен изучен на материале якутского, шорского, уйгурского, башкирского, юкагирского, аварского, лакского, даргинского, азербайджанского, белорусского, монгольского, корейского языков. Наблюдения российских ученых свидетельствуют о наличии данного грамматического класса в языках разной структуры, что позволяет использовать сравнительное изучение деепричастий как инструмент анализа языковых картин мира. Такой подход послужит развитию общей и частной теории перевода.

Деепричастие активно рассматривалось лингвистами в сопоставительном и переводческом аспекте в таких парах языков, как русский и грузинский, болгарский и русский, русский и польский, русский и английский, русский и японский. В данной работе решается проблема перевода русского деепричастия на китайский язык.

На ее выбор повлияли следующие факторы:

1. Русское деепричастие, активно функционирующее в современной русской речи, постоянно используется в процессе межъязыковой коммуникации, что обусловило усиление интереса к выявлению и исследованию данного грамматического класса в сравнении с китайским языком и передаче русского деепричастия его средствами.

2. Изучение русского деепричастия в морфологической системе русского языка в сопоставлении с грамматической системой китайского языка свидетельствует о его формальной безэквивалентности. Именно поэтому деепричастие традиционно вызывает у китайских учащихся проблемы понимания, употребления в речи и при переводе. Хотя при изучении русской грамматики в китайских вузах деепричастие рассматривается как один из элементов учебной программы, и китайские русисты Цай И, Чжэн Цзэшэн, Ди Минлун, Чжао Линшэн, Вань Синьби, Ян Шичжан, Чжао Юньпин предложили некоторые способы его перевода, на сегодняшний день отсутствует всестороннее описание русского деепричастия в аспекте перевода на китайский язык.

3. Русское деепричастие является чрезвычайно сложным грамматическим феноменом. На сложность и многоаспектность данного грамматического явления в русском языке обращали внимание многие лингвисты. Морфологический статус русского деепричастия исследовали Д.Н. Овсяннико-Куликовский, А.М. Пешковский, А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, М.В. Панов, Е.В. Красильникова, П.А. Лекант, Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов, В.В. Бабайцева, Л.Д. Чеснокова, Л.А. Булаховский, О.М. Чупашева и др.; синтаксический потенциал

рассматривали А.А. Шахматов, Л.А. Булаховский, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, В.А. Белошапкова, О.М. Корчажкина, П.А. Лекант, О.Б. Сиротинина, Л.А. Дерibas, И.М. Богуславский, О.М. Чупашева и др.; на таксис деепричастия обратили внимание А.В. Бондарко, Г.А. Золотова, Н.В. Семенова, О.М. Безроднова и др.; нормы употребления деепричастия и стилистическую маркированность изучали В.А. Ицкович, Т.С. Мони́на, И.Г. Голуб и др.; вопрос транспозиции деепричастия рассмотрели В.В. Бабайцева, Л.И. Чигирь и др. Но, несмотря на наличие многочисленных работ, посвященных исследованию деепричастия в разных аспектах, в них не освещены в должной степени вопросы его перевода на китайский язык.

Цель нашей работы заключается в выявлении конститутивных свойств русского деепричастия, необходимых для создания модели предпереводческого анализа и уточнения корпуса китайских соответствий, пригодных для эквивалентного перевода словоформ этого грамматического класса.

Актуальность данной работы заключается в многоаспектном описании деепричастия в семантическом, грамматическом, прагматическом аспектах и создании модели предпереводческого анализа, позволяющей выявить смыслообразующие признаки конкретной грамматической формы и эквивалентно передать их средствами китайского языка.

Объект исследования в данной кандидатской диссертации – грамматическая семантика русского деепричастия в сравнении с китайским языком.

Предмет исследования – способы эквивалентной передачи грамматического значения.

В диссертации мы выдвигаем **гипотезу** о том, что в картине мира любой нации существуют грамматические классы, разными способами обозначающие добавочное действие при основном или таксисные отношения между предикатами, что обуславливает возможность передачи грамматической семантики и прагматики русского деепричастия средствами китайского языка, в котором данная группа слов отсутствует.

Подтверждение данной гипотезы требует решения следующих теоретических и практических **задач**:

1) обобщения и систематизации русских и китайских лингвистических материалов о деепричастиях, необходимых для более глубокого понимания свойств этого грамматического класса;

2) уточнение статуса русского деепричастия в морфологической системе русского языка;

3) рассмотрения грамматической семантики деепричастия в целях выявления их категориальных соответствий в китайском языке;

4) анализа прагматического потенциала русского деепричастия, что необходимо для выявления эквивалентных средств его передачи в китайском языке;

5) создания модели предпереводческого анализа деепричастия с учетом контекста;

б) демонстрации функциональных возможностей предложенной модели на конкретных примерах анализа деепричастий с их последующим переводом на китайский язык.

В соответствии с поставленными задачами в работе применены следующие **методы** исследования: метод непосредственного наблюдения, позволяющий проанализировать материал и обобщить результаты предыдущих исследований; описательно-сопоставительный метод, позволяющий выявить лингвистическую специфику русских деепричастий в сопоставлении с единицами китайского языка; системно-классификационный метод, метод компонентного анализа, методы синтаксического и морфологического анализа, предпереводческий анализ текста, прием трансформации.

Теоретической базой исследования послужили работы ряда лингвистов, рассматривавших русское деепричастие в разных аспектах: А.М. Пешковского, Л.В. Щербой, В.В. Виноградова, Л.Д. Чесноковой, О.М. Чупашевой, А.В.Бондарко, И.Б. Голуб, В.В. Бабайцевой и др.; исследования, посвященные изучению структурно-семантических систем русской и китайской грамматики, в частности, «Русская грамматика» (Москва, 1980), «Современный китайский язык» (Пекин, 2007); исследования в области сопоставительной грамматики русского и китайского языков, представленные в «Сопоставительной грамматике русского и китайского языков» (Москва, 2003), «Сопоставительном исследовании по русскому и китайскому языкам» (Шанхай, 2004), «Сопоставительном исследовании русского и китайского языков и переводческом анализе» (Шанхай, 2006), «Синтаксисе русского научного языка в сопоставлении с китайским» (Харбин, 2005) и др.; монографии по общей теории перевода, отраженные в работах А.В. Федорова, Л.С. Бархударова, А.Д. Швейцера, В.Н. Комиссарова, Н.К. Гарбовского, Л.Л. Нелюбина, И.С. Алексеевой и др.; концепция русско-китайского перевода, освещенная в учебниках «Курс перевода с русского языка на китайский» (Пекин, 2005), «Курс русско-китайского перевода» (Шанхай, 1985), «Основы русско-китайского перевода» (Пекин, 2010); комментарии к отдельным русским и китайским словам (иероглифам), извлеченные из толковых и переводческих словарей, в частности «МАС», «Большого китайско-русского словаря: в 4 т.» (Москва, 1983), «Китайско-русского словаря» (Шанхай, 1989), «Словаря современного китайского языка» (Пекин, 2002).

Материалом для изучения послужили:

1) русские предложения с деепричастиями, извлеченные из национального корпуса русского языка;

2) русские предложения с деепричастиями и их перевод, отобранные из «Русско-китайского словаря для переводчиков художественной литературы» (Пекин, 2002);

3) комплекс предложений с деепричастиями и деепричастными оборотами, выбранных из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» в сопоставлении с их пятью переводами на китайский язык, фрагменты из рассказа А.П. Чехова «Жалобная книга» и романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», и их китайских переводов.

В результате наблюдений мы пришли к выводам, которые выносим на защиту в виде **положений**:

1. Языковое своеобразие русского деепричастия заключается в объединении в нем признаков глагола и наречия, сочетание которых по-разному интерпретируются тремя господствующими в российской лингвистике точками зрения на его морфологический статус: 1) деепричастие – самостоятельная часть речи (В.В. Бабайцева, Л.Д. Чеснокова и др.); 2) деепричастие – синкретичная часть речи (А.М. Пешковский, В.В. Виноградов и др.); 3) деепричастие – одна из форм части речи (глагола или наречия) (Л.А. Булаховский, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба и др.). Принимая преобладающую точку зрения и учитывая грамматические особенности флективного языка в сравнении с изолированным, мы считаем деепричастие особой формой глагола.

2. Языковые особенности русского деепричастия характеризуются многоаспектностью, которая проявляется в наличии у него лексического и морфологического значений, стилистической маркированности, таксисных особенностей, способностью к транспозиции, широкими синтаксическими возможностями, кодифицированными нормами употребления в речи. Комплекс этих свойств должен учитываться при переводе деепричастия на китайский язык.

3. Многоаспектность деепричастия требует разработать модель его предпереводческого анализа, которая включает в себя три этапа:

1) анализ деепричастия в контексте с учетом отграничения его от транспозитов;

2) анализ семантики деепричастия с учетом: а) характеристики лексического значения; б) анализа грамматического значения; в) изучения синтаксической роли; г) выявления таксисной специфики; д) уточнения стилистической маркированности и норм употребления в речи;

3) выбор эквивалента, отражающего свойства русского деепричастия в тексте перевода.

4. Второстепенная предикативная и обстоятельственная функции, выполняемые деепричастием в предложении, могут быть переданы шестью средствами структурно-семантической системы китайской грамматики: конструкцией «глагол (глагольное словосочетание) + суффикс «着», «了», «过» + глагол (глагольное словосочетание)», конструкцией

«глагол (глагольное словосочетание) + маркер «地» + глагол (глагольное словосочетание)», обстоятельственно-центральный словосочетанием (чжуан чжун дуань юй), соединенно-предикативным словосочетанием (лянь дун дуань юй), союзным сложным предложением, бессоюзным предложением. Они традиционно используются в структурно-функциональной системе китайской грамматики для передачи русского деепричастия и называются *языковыми средствами*. Кроме этого, с учетом синтаксических функций деепричастия, есть еще четыре средства его передачи, выполняющие функции определения или сказуемого, которые названы в диссертации *речевыми*. Функционально-вариативные речевые средства передачи деепричастия отражают индивидуальную переводческую стратегию.

5. Для преодоления переводческих проблем необходимо выявить прагматический потенциал деепричастия в речи и выбрать соответствующую форму китайского языка, позволяющую добиться эквивалентного перевода. Решение первой задачи требует сопоставления семантики деепричастий с синонимичными конструкциями книжного стиля, а решение второй – проведения прагмасемантического анализа китайских переводческих соответствий с учетом степени их эквивалентности.

6. Выбор китайского переводческого соответствия производится с учетом следующих закономерностей: для перевода текстов научного или официально-делового стиля используются словосочетания с грамматическим оформлением, словосочетания без грамматического оформления, союзное сложное предложения, бессоюзное сложное предложение; для перевода текста художественного стиля применяются словосочетания с грамматическим оформлением, союзное сложное предложение, словосочетания без грамматического оформления, бессоюзное сложное предложение – при условии, что переводимая грамматическая семантика не ограничена в таких китайских средствах. При передаче деепричастия средствами китайского языка выбор соответствия осуществляется с опорой на трансформационно-семантическую модель, суть которой заключается в преобразовании единиц исходного языка в эквивалентные им единицы языка перевода.

Научная новизна работы состоит в многоаспектном анализе деепричастий, позволившем создать модель предпереводческого анализа деепричастия, учитывающую его семантическую, синтаксическую и прагматическую специфику, а также позволяющую сформулировать критерии выбора эквивалентного переводческого соответствия и конкретизации трансформационно-семантической модели перевода с учетом своеобразия рассматриваемой грамматической единицы.

Научная значимость диссертации проявляется в том, что в ней

систематизируется компонентный состав грамматических сем деепричастия, предлагаются синтаксические критерии их верификации, что создает основу для понимания этой грамматической единицы носителями китайского языка и позволяет сформулировать критерии эквивалентности при передаче русского деепричастия средствами китайского языка.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при чтении лекций по морфологии, теории перевода, РКИ, при составлении сравнительной грамматики русского и китайского языков; при переводе с русского языка на китайский. Используемые материалы могут найти применение при составлении учебников и учебных пособий по русскому языку для лиц, говорящих на китайском языке.

Апробация исследования. Основные положения диссертационного исследования были представлены на межвузовских и международных конференциях, проводимых кафедрой русского языка МПГУ, кафедрой РКИ МПГУ и кафедрой теории и методологии перевода МГУ. По материалам исследования опубликовано семь работ, в том числе четыре в рецензируемых журналах и изданиях. Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры русского языка МПГУ и кафедры теории и методологии перевода МГУ.

Исследование состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложения.

Содержание работы

Во **введении** обосновываются актуальность и новизна исследования, намечаются его цель и задачи, выдвигается гипотеза и перечисляются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Деепричастие в морфологической системе русского языка»** рассмотрены конститутивные признаки деепричастия и обобщены представления о данном грамматическом феномене, бытующие в современной российской лингвистике.

Являясь чрезвычайно сложным грамматическим феноменом, русское деепричастие отличается семантической многоаспектностью. У деепричастий есть постоянные признаки, которые обнаруживаются вне зависимости от контекста, мы выделяем их на фоне изменяемых признаков и называем **статическими свойствами деепричастия**. К их числу традиционно относят общую семантику деепричастия (сопутствующий признак, или второстепенное действие), его морфологический статус, глагольные и наречные свойства, роль в деепричастном обороте и в предложении, нормы и стилистические особенности употребления в устной и письменной речи, транспозицию. В сравнении со статическими свойствами, характеризующимися постоянством, **динамические**, то есть переменные **свойства деепричастия** раскрываются во взаимодействии с

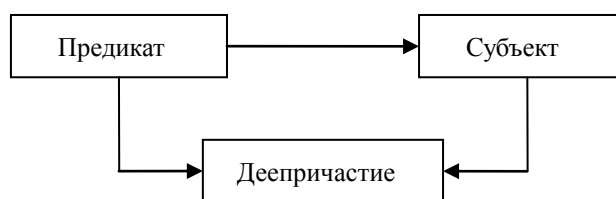

контекстом и характеризуются изменяемостью, проявляясь в конкретизации статических свойств. К числу динамических свойств деепричастия принадлежат типы синтаксических связей (подчинительная, сочинительная или бессоюзная) и функций (чисто обстоятельственных или обстоятельственных с добавлением семантических признаков второстепенного сказуемого), а также таксисные свойства.

Особое место в данной главе занимает анализ синтаксических связей и отношений, поскольку они отражают языковое своеобразие деепричастия.

Синтаксические связи деепричастия включают подчинительную, сочинительную и бессоюзную разновидности. Среди них уникальным, отличающим деепричастие от других грамматических единиц, является полупредикативность, являющаяся разновидностью подчинительных отношений. По мнению О.М. Чупашевой, полупредикативность деепричастия проявляется в двунаправленности его синтаксических связей, то есть в одновременном подчинении и субъекту и предикату, что может быть проиллюстрировано схемой, предложенной В.В. Бабайцевой:

Читая это, я не верю, что Толстой говорит правду (Ю.К. Олеша)

Помимо полупредикативных отношений, у деепричастия выделяются подчинительные (обстоятельственные) отношения, основанные на примыкании, например, – *Да, хорошо! так же тихо отвечала (X) она, не смотря на меня* (И.С. Тургенев), и сочинительные отношения, основанные на сочинительной связи деепричастия в составе синтаксического ряда, в том числе отношение деепричастия к глаголу-сказуемому, например, перечислительное, например, *Навстречу Якову, улыбаясь и кланяясь, шёл Ротшильд* (А.П. Чехов); *И старик, выхватив из рук Григория Мишатку, высоко поднял его над головой*» (Шолохов).

Грамматические отношения деепричастия и глагола-сказуемого (подчинительные или сочинительные), по данным монографии «Грамматика русского деепричастия» (Мурманск, 2008), имеют следующие типы:

1) **определенный (дифференцированный) тип**, при котором в предложении между глаголом-сказуемым и деепричастием формируется только один вид грамматической связи. Он представлен в предложении одним из девяти видов семантики: перечислительным, сопоставительно-противительным, причинным, временным, условным, уступительным, целевым, образа и способа действия, присоединительным.

Например, в предложении «– *Первым делом мы, конечно, будем искать помещение, – улыбаясь, говорила Надежда*» (Алексей Слаповский, Большая Книга Перемен // «Волга», 2010) грамматическим отношением деепричастия *улыбаясь* к глаголу-сказуемому *говорила* является только образ действия;

2) **неопределенный (недифференцированный) тип**, при котором количество грамматических отношений деепричастия и глагола-сказуемого в предложении представлено двумя или более разновидностями. Например, в предложении «*Но, потеряв с ними оживление и смех, комната стала совсем унылой*» (Александр Солженицын, В круге первом, т.1, гл. 26-51 (1968) // «Новый Мир», 1990) грамматическими отношениями деепричастия к глаголу-сказуемому являются временное и причинное.

Однако при комплексном изучении деепричастий нужно также учитывать таксис, нормы употребления в речи и стилистическую маркированность.

Таксис – временная соотнесенность между предикатами, выраженными деепричастием и глаголом-сказуемым. В зависимости от семантической связи между основным и второстепенным действиями (глаголом-сказуемым и деепричастием) выражаются таксисные отношения следующих типов:

1. Сопряженность во времени второстепенного действия с основным не связана с семантикой обусловленности (временной, причиной, условной и др.), например: *Михалка с длинным кнутом в руке шагает за лошадьми, покрикивая время от времени: «...»* (А.А. Богданов). Ср.: *Михалка с длинным кнутом в руке шагает за лошадьми и покрикивает время от времени: «...»*.

2. Второстепенное действие не только сопряжено во времени с основным, но и обуславливает осуществление основного действия, например: – *Что ты скажешь о дяде? – спросил он и очень удивился, услышав странный ответ: – Похож на Иоанна Предтечу* (М. Горький).

Семантические типы обусловленности выявляются с учетом взаимодействия лексических значений деепричастия и личной формы глагола, которые актуализируются с помощью постановки вопроса.

На наш взгляд, таксис должен быть обязательно учтен при переводе данной формы глагола на китайский язык, поскольку такая временная категория, свойственная деепричастиям, представляет собой неотъемлемую составляющую их семантики, что не учтено в современных учебниках по русско-китайскому переводу.

При рассмотрении этой проблемы мы заметили, что одни типы таксиса у деепричастий определяются логическим соотношением между денотатами двух предикатов, поэтому их перевод не вызывает особых трудностей. Например: *Смутная тревога беспокоила парней, но они подавляли ее в себе, раздражаясь от этого непредвиденного и*

бесполезного, как им казалось, усилия (Астафьев). 一种模模糊糊的担心使青年人定不下心来，但是他们克制着，尽管由于这种前途未卜的、看来将一无所获的努力而气恼万状。(букв.: *Смутная тревога беспокоила парней, но они подавляли ее в себе, хотя раздражались от этого непредвиденного и бесполезного, как им казалось, усилия*). В переводе используется союз *хотя*, при этом специально не нужно учитывать таксис деепричастия.

Переводческую трудность представляет передача таксиса глагола-сказуемого и деепричастия, употребленных в форме СВ и находящихся в перечислительных отношениях. При переводе следует сохранить их последовательность, так как и в русском, и в китайском языке член предложения, находящийся в препозиции, называет событие, произошедшее первым. Например, в предложении *Ударив кулаком в подбородок, он схватил руками голову гальванера и запрокинул ее назад* (А.С. Новиков-Прибой) порядок слов определяет предшествование второстепенного целостного действия основному целостному действию, ср.: *Он схватил руками голову гальванера и запрокинул ее назад, ударив кулаком в подбородок.*

Деепричастие требует особого внимания в синтактико-стилистическом отношении. Важнейшим фактором, регулирующим его употребление, является тождество субъекта основного и второстепенного действий. В современном русском языке субъект главного и второстепенного сказуемых, выраженных соответственно личной формой глагола и деепричастием, один и тот же, это норма употребления деепричастия. Например, – *Пожалуйте, господа, в дом, – сказал он, улыбаясь* (А.П. Чехов, Крыжовник).

В то же время надо учитывать, что норма употребления деепричастий характеризуется динамикой. В произведениях таких писателей XIX века, как А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. И. Герцен, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, наблюдаются многочисленные отступления от современного правила. Например: *Поселившись теперь в деревне, его мечта и идеал были в том, чтобы воскресить ту форму жизни, которая была при деде* (Л. Толстой). Для XIX века такое употребление не было аномальным, поскольку в ряде случаев нормы русского языка формировались под влиянием французского, бытовавшего в аристократической среде в качестве языка повседневного общения. Таким образом, в литературе XIX века согласование деепричастия с иным, нежели у главного сказуемого, субъектом не являлось стилистически маркированным. Однако уже в конце XIX века норма употребления деепричастий изменилась и приблизилась к современной. Именно на изменении нормы построена языковая игра, использованная А.П.Чеховым в рассказе «Жалобная книга» (1884), где старая норма контрастирует с новой.

Вторым аспектом стилистической характеристики деепричастий является рассмотрение их под собственно стилистическим углом зрения с

точки зрения стилистической маркированности. Деепричастия в современном русском языке по стилистической окраске распадаются на две диаметрально противоположные группы: **книжные формы** с суффиксами *-а, -я, -в*: *дыша, зная, сказав* и **разговорно-просторечные** с суффиксами *-вши, -ши*: *сказавши, пришедши*. См.: *Сказав эти слова, Чертопханов соскочил с дивана и торжественно удалился*. (И. Тургенев) *И, сказавши это, родители мне опять поклонились – и не стало их видно: одни стены видны*. (И. Тургенев) Надо отметить, что не все деепричастия на *-вши, -ши* стилистически маркированы. Возвратные глаголы образуют нейтральные деепричастия: *закрасневшись, наплакавшись, оставшись, улыбнувшись*. Стилистически нейтральны и те немногие деепричастия невозвратных глаголов, которые без *-ши* не могут быть образованы: *выросши, легши, простерши, разжегши* [И.Б. Голуб, 2010, с. 325-326].

В современном активном употреблении находятся формы с первой группой суффиксов, поэтому носителями русского языка деепричастия воспринимаются как показатель книжных стилей. Суффиксы второй группы в современной разговорной речи практически не встречаются, поэтому воспринимаются как устаревшие. Так, архаизовались деепричастия на *-учи, -ючи*, которые в пушкинскую эпоху еще употреблялись, но воспринимались как элемент народно-поэтической речи: *идучи, стоячи, скакучи* и др. Например: *По крайней мере, идучи от графа к себе домой, он усиленно чему-то улыбался* (И. Гончаров). *Господи, Твоя воля – полтора часа поучились и уже размокли под воротами стоячи* (П. Краснов). Таким образом, деепричастия в прагматическом аспекте могут быть охарактеризованы с точки зрения активного/пассивного запаса.

Сведения, представленные в первой главе служат базой для контрастивного и предпереводческого видов анализа, являющихся объектом рассмотрения во второй и третьей главах.

Во второй главе «**Морфологические свойства русского деепричастия в сопоставлении с грамматическими категориями китайского языка**» произведен обзор основных направлений изучения русского деепричастия китайскими русистами, рассмотрена проблема его статуса с учетом классификации частей речи китайского языка.

Некоторые российские китаисты (например, А.И. Иванов, Е.Д. Поливанов) считают, что в китайском языке есть деепричастия, формальным показателем которых является финальный иероглиф 着, но, учитывая отсутствие в китайском языке строгих и единых показателей, посредством которых выражаются разные аспекты семантики русского деепричастия, мы полагаем, что в китайском языке нет грамматической категории деепричастия, то есть при русско-китайском переводе оно является безэквивалентной грамматической единицей. Однако несмотря на это, семантика русского деепричастия – действие, состояние и отношение как сопутствующий признак другого действия, состояния, отношения – может

быть передана средствами структурно-семантической системы современного китайского языка.

В данной главе систематизируются китайские средства передачи русского деепричастия с опорой на его грамматическую семантику и синтаксическую функцию. Для передачи общей грамматической семантики деепричастия (сопутствующего значения) и синтаксической функции (обстоятельства, в том числе осложненного семантикой второстепенного сказуемого), в грамматической системе современного китайского языка существует шесть средств передачи деепричастия:

Средство перевода	Семантика средства
<p>1. Конструкция «глагол (глагольное словосочетание) + видо-временный суффикс «着», «了», «过» + глагол (глагольное словосочетание)».</p> <p>Некоторые лингвисты относят соединенно-предикативные словосочетания с суффиксом 《着》 к обстоятельству словосочетанию с грамматическим оформлением. С учетом различия в его классификации мы в данной работе отдельно используем выражение конструкцию (словосочетание) с суффиксом 《着》.</p> <p>– Потому что я не люблю повторений, – отвечала она, смеясь... (Лерм., Герой нашего времени)</p> <p>“因为我不爱老调子。”她笑着回答..</p>	<p>временное значение, значение образа и способа действия.</p>
<p>2. Конструкция «глагол (глагольное словосочетание) + маркер «地» + глагол (глагольное словосочетание)».</p> <p>В рамках обстоятельственно-центрального словосочетания может существовать маркер «地», который является структурным вспомогательным элементом и придает находящемуся в препозиции члену предложения обстоятельственное значение. В результате чего образуется конструкция «глагол (глагольное словосочетание) + маркер «地» + глагол (глагольное словосочетание)».</p>	<p>значение образа и способа действия.</p>

<p>– <i>Что-то случилось? – спросила мать, как бы придерживая сердце рукой. – Что он... там? (Алек., Третий в пятом ряду)</i></p> <p>“出了什么事啦? 母亲提心吊胆地问道, “他在学校... 惹什么祸了?”</p>	
<p>3. Обстоятельственно-центральное словосочетание (без грамматического оформления).</p> <p>Его особенностью является то, что главный и зависимый элементы (сказуемое и обстоятельство) могут выражаться глаголами или глагольными словосочетаниями, в результате чего формируется модель «обстоятельство (глагол или глагольное словосочетание) + сказуемое (глагол или глагольное словосочетание)», которая функционально ближе к русскому обороту «<i>деепричастие + глагол</i>». Например, «<i>乘黑夜逃走</i> уйти, <i>пользуясь темной ночью</i>» [Большой китайско-русский словарь, 1983, т. 3, с. 782].</p> <p>– <i>Дяденька... – сказал Ваня, выбирая самые убедительные, самые нежные оттенки голоса. (Кат., Сын полка)</i></p> <p>“好叔叔...” 凡尼亚用最动人最委婉的口气说。¹</p>	<p>значение образа и способа действия.</p>
<p>4. Соединенно-предикативное словосочетание (без грамматического оформления) характеризуется наличием двух или более предикатов, следующих друг за другом без фонетической паузы и без союза. Например: «<i>выйти с какой целью? погулять</i>», «<i>идти в горы зачем? собирать</i> травы (лекарство)».</p> <p>– <i>Везде! – ответил он, улыбаясь. – Где есть нужда в смелом человеке, там и она. (Горьк., Мать)</i></p> <p>“四海为家” 他[尼古拉] 含笑答道。“哪里需要勇敢的人, 哪里就有她。”</p>	<p>перечислительное значение, причинное значение, временное значение, значение цели, значение образа и способа действия.</p>

¹ Русские примеры и их китайские переводы в этой таблице взяты из «Русско-китайского словаря для переводчиков художественной литературы» (Пекин, 2002).

<p>5. Союзное сложное предложение. Его характеристики соответствуют русскому аналогу.</p> <p><i>И такие Кочанеры, глядя в глаза своему всесильному хозяину, по-хамски разговаривают с рабочими. (Кетлин., Мужество)</i></p> <p><i>这些柯查涅尔之辈一面看着自己的自命不凡的主子的眼色行事，一面粗暴地与公认群众说话。</i></p>	<p>перечислительное значение, уступительное значение, условное значение, временное значение, причинное значение, сопоставительно-противительное значение, значение цели</p>
<p>6. Бессоюзное сложное предложение. Его характеристики соответствуют русскому аналогу.</p> <p><i>Самгин смотрел на нее с удовольствием и аппетитом, улыбаясь так добродушно, как только мог. (Горьк., Жизнь Клима Самгина)</i></p> <p><i>萨姆金津津有味地瞧着她，馋涎欲滴，尽可能亲热地笑着。</i></p>	<p>перечислительное значение, сопоставительно-противительное значение, причинное значение, временное значение, условное значение, уступительное значение, значение цели, значение образа и способа действия, значение присоединения.</p>

Шесть средств перевода китайских деепричастий, охарактеризованные в таблице, носят характер устойчивых соответствий, и мы называем их **языковыми** средствами перевода деепричастия. Кроме них, нами были обнаружены второстепенные средства перевода деепричастий – сказуемое (в простом предложении или в главной части СПП) и определение. Учитывая факультативный характер их использования, а также то, что они характеризуются контекстуальным использованием, мы называем их речевыми средствами перевода деепричастия. По сравнению с речевыми средствами языковые соответствия более устойчивы, стабильны, мотивированы и могут быть использованы в преподавании методики перевода. Речевые средства отражают индивидуальную переводческую стратегию.

В третьей главе «Русское деепричастие как единица перевода: способы ее передачи средствами китайского языка» рассмотрены принципы современного переводоведения, актуальные для осмысления закономерностей передачи безэквивалентных грамматических единиц при переводе. Рассматриваемые категории перевода – переводимость, единица перевода, эквивалентность, прагматический потенциал грамматической единицы – учтены при анализе процесса перевода русского деепричастия на китайский язык.

Важным фактором в достижении эквивалентности передачи

деепричастия является сохранение его прагматического потенциала в переводе. Для этого необходимо, с одной стороны, понять намерения коммуниканта, употребившего деепричастие в своем высказывании, а с другой – передать это намерение в переводе.

Решение первой задачи требует тщательного выявления всех сем, формирующих семантику деепричастия, имеющую многоаспектный характер; поэтому ее анализ должен осуществляться в каждом из направлений. Детального изучения требуют лексическое и грамматическое значения деепричастия, его синтаксическая роль, таксис, стилистическая маркированность и нормы употребления в речи. Решение второй задачи требует продуманного выбора адекватных средств их передачи. С этой целью в главе разрабатывается модель предпереводческого анализа деепричастия, позволяющая достичь эквивалентности с точки зрения прагматики, и демонстрируются возможности данной модели при передаче русского деепричастия на китайский язык с учетом разных функциональных стилей. Эта модель позволяет решить ряд проблем.

Например, когда то или другое грамматическое значение деепричастия может быть выражено двумя или более средствами, как, например, при переводе предложения из романа «Анна Каренина» Л.Н. Толстого «Глаза Степана Аркадьича весело заблестели, и он задумался, улыбаясь», она помогает выбрать эквивалентный из пяти способов передачи деепричастий².

- 1) 奥勃朗斯基高兴得眼睛闪闪发亮。他想得出神，脸上浮着微笑。
(букв. «...» Он задумался, на лице скользит улыбка).
- 2) 奥布隆斯基想得出神，脸上浮着微笑，眼里闪着愉快的光芒。
(букв. Облонский задумался, на лице скользит улыбка, глаза весело заблестели).
- 3) 斯捷潘·阿尔卡季齐眼睛里闪出快乐的光，微笑着沉思起来。
(В китайском переводе используется суффикс «着», который участвует в оформлении китайского обстоятельства – буквальный обратный русский перевод невозможен из-за отсутствия точного русского соответствия.)
- 4) 斯捷潘·阿尔卡季齐的眼睛快乐地闪耀着，他含着微笑沉思。
(В китайском переводе используется суффикс «着», который участвует в оформлении китайского обстоятельства – буквальный обратный русский перевод невозможен из-за отсутствия точного русского соответствия.)

---

² 5 переводов китайского языка в данной работе взяты из таких книг по соответствующей нумерации:

1. 《安娜·卡列尼娜》(上), 托尔斯泰(俄), 草婴译, 上海, 上海文艺出版社, 2007.
2. 《安娜·卡列尼娜》(上), 托尔斯泰(俄), 杨楠译, 北京, 北京燕山出版社, 2007.
3. 《安娜·卡列尼娜》, 托尔斯泰(俄), 高惠群, 石国生译, 上海, 上海译文出版社, 2006.
4. 《安娜·卡列尼娜》(上), 托尔斯泰(俄), 周扬, 谢素台译, 北京, 人民文学出版社, 1989.
5. 《安娜·卡列尼娜》(上), 托尔斯泰(俄), 力冈译, 北京, 中国书籍出版社, 2005

5) 奥布朗斯基的眼睛放射出快活的光彩。他微微笑着沉思默想起来。

(В китайском переводе используется суффикс «着», который участвует в оформлении китайского обстоятельства – буквальный обратный русский перевод невозможен из-за отсутствия точного русского соответствия).

Видно, что при переводе предложения переводчики использовали разные средства китайского языка, отличающиеся прагматическими свойствами, которые тоже нужно учитывать при выборе эквивалента.

Прагмасемантический анализ китайских переводческих соответствий с учетом степени их эквивалентности доказывает, что языковые средства китайского языка обладают разной степенью эквивалентности при передаче конститутивных признаков деепричастия, отраженных в таблице 2.

Таблица 2.

Тип средства \ Тип значения	Сигнификат	Коннотат
Словосочетания с дополнительным оформлением	+	+
Словосочетание без дополнительного оформления	+	-
Союзное сложное предложение	-	+
Бессоюзное сложное предложение	-	-

Под сигнификатом (сигнификативным компонентом значения) деепричастия мы понимаем его грамматическую семантику и синтаксические функции, а под коннотатом (коннотативным компонентом значения) деепричастия его стилистическую маркированность – книжную. В таблице знак «+» обозначает наличие значения, а знак «-» обозначает отсутствие значения.

Нетрудно заметить, что словосочетания с дополнительным оформлением передают как сигнификативный, так и коннотативный компоненты значения, и потому являются лучшим средством перевода деепричастий. Когда переводчику предстоит выбрать словосочетание без дополнительного оформления или союзное сложное предложение, на наш взгляд, нужно учитывать стиль текста, поскольку перевод текста официально-делового или научного стиля должен обеспечивать передачу сигнификативного компонента значения деепричастия, а уже потом по возможности – коннотативного; при переводе текста художественного стиля следует обеспечивать передачу коннотативного компонента значения деепричастия, который не менее важен, чем сигнификативный.

Процесс перевода деепричастия происходит в три этапа:

1) анализ деепричастия в контексте с учетом отграничения его от транспозитов. Деепричастие и его транспозиты имеют разный ритм перевода на китайский язык: в первом случае он более сложен, а во втором – более прост (см. схему 1).

2) Выявление семантики деепричастия в соответствии с этапами предпереводческого анализа: а) характеристика лексического значения; б) анализ грамматического значения; в) изучение синтаксической роли; г) выявление таксисной специфики; д) уточнение стилистической маркированности и норм употребления в речи.

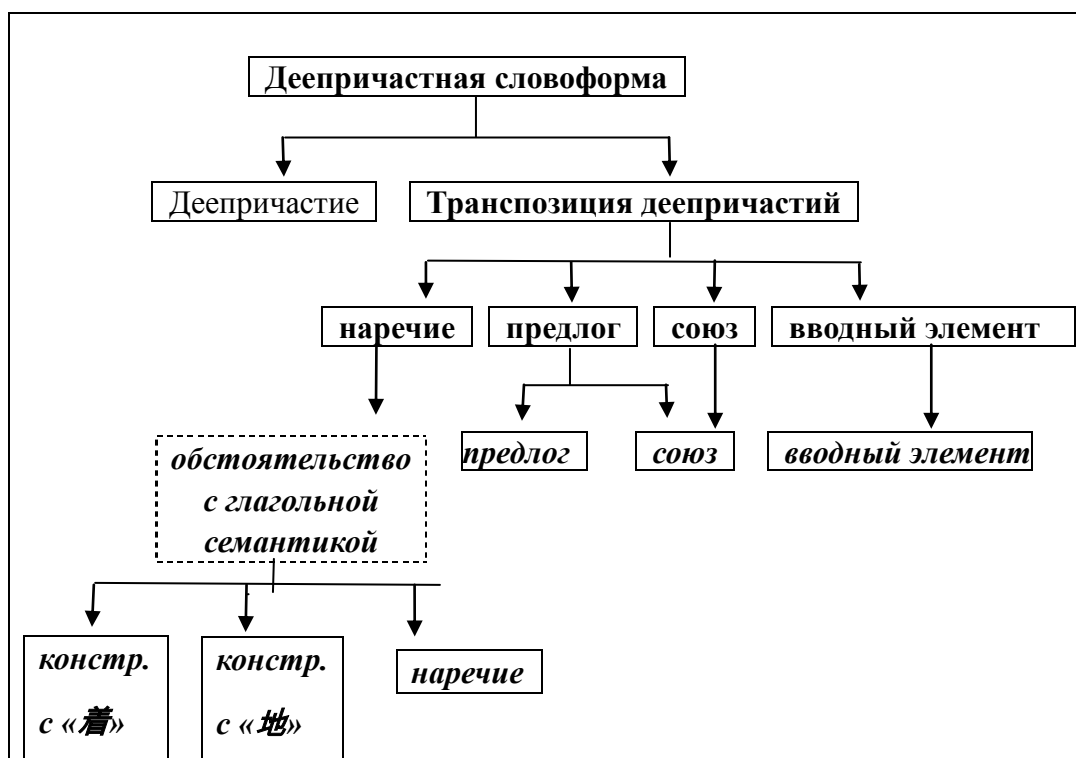

схема 1

Самый сложный этап – анализ грамматического значения. Для решения этой проблемы используется ряд операций: **наблюдение грамматических маркеров** (например, *Руководство города, плавно приближая цены к уровню экономически обоснованных затрат, в то же время активно привлекает москвичей к самостоятельному контролю качества и объемов оказываемых жилищных услуг* (Квартплата по карману москвичей не ударит // Комсомольская правда, 29 ноября 2012)), **постановка вопроса к деепричастию** (например, к деепричастию *улыбаясь* в предложении «Андрей Филиппович говорил *улыбаясь* и весело» (Ф.М. Достоевский, Двойник) можно задавать вопрос *Как он говорил?* или *Каким образом он говорил?*), **преобразование предложения с деепричастием в союзное сложное предложение** (Например: «*Увидев отца, я тотчас рассказал ему*

всё» (Г.А. Газданов, Вечер у Клэр / начало романа) можно преобразовать в предложение «*Когда я увидел отца, тотчас рассказал ему всё*»).

3) выбор средства, т.е. употребление китайских соответствий производится в соответствии со следующими закономерностями: для перевода текста научного или официально-делового стиля используются словосочетания с грамматическим оформлением, словосочетания без грамматического оформления, союзное сложное предложение, бессоюзное сложное предложение; для перевода текста художественного стиля лучше использовать словосочетания с грамматическим оформлением, союзное сложное предложение, словосочетания без грамматического оформления, бессоюзное сложное предложение – при условии, что переводимая грамматическая семантика не ограничена в таких китайских средствах. Использование выбираемого китайского средства порождает переводящее предложение с опорой на трансформационно-семантическую модель.

Здесь представлены два примера предпереводческого анализа деепричастий в контекстах, которые выбраны с учетом принадлежности к художественному / нехудожественному стилю, определенному / неопределенному грамматическому отношению деепричастия к глаголу-сказуемому и переводятся с опорой на трансформационно-семантическую модель.

I. Художественный стиль представляется нам наиболее сложным в аспекте предпереводческого анализа, поскольку в нем деепричастия могут использоваться с учетом авторских намерений, для реализации которых иногда требуется отступление от языковых норм. Рассмотрим предложение, извлеченное из рассказа М.Зощенко:

« – *Это было уже неприлично, – улыбаясь, говорила мать*». (М.М. Зощенко, Перед восходом солнца).

1. Ориентация на роль деепричастия в структуре предложения и отношения с субъектом и предикатом.

Деепричастная словоформа *улыбаясь* выделяется из состава предложения на основании морфемного показателя – формообразующего суффикса *-я*, следующего за основой глагола – *улыба-*. Деепричастие не требует отграничения от транспозита, потому что оно не включено в сферу возможностей транспозиции: его основа содержит глагольную сему, обозначающую действие, которое, наряду с основным предикатом, подчиняется субъекту – подлежащему предложения, что формирует полупредикативность деепричастия, отличающую его от транспозитов. В этом случае мы определяем только компоненты синтаксической структуры, главные по отношению к члену предложения, выраженному деепричастием: глагол-сказуемое (предикат) и подлежащее (субъект).

В процессе анализа нами учитывается синтаксическая позиция деепричастия, поскольку она напрямую связана с функцией этой неизменяемой формы глагола в предложении. В представленном примере

деепричастие расположено в начале слов автора, которые находятся в постпозиции по отношению к прямой речи. Это значит, что глагольная семантика у деепричастия ослабляется, что позволяет рассматривать его как обстоятельство.

2. Анализ семантики деепричастия в контексте.

Сигнификативный компонент лексического значения деепричастия *улыбаясь* не отличается от значения производящего глагола *улыбаться* – «улыбкой выражать какие-л. чувства» [МАС т.4, с.488]. Ср.: «Я стал вспоминать рассказы моей матери. Она не раз говорила мне о моём детстве, младенчестве. Она всякий раз *улыбалась*, рассказывая о том, какой я был трудный, сложный и капризный ребенок». (М.М. Зощенко, Перед восходом солнца). Однако при определении лексического значения деепричастия в художественном тексте нужно также рассматривать его коннотативный компонент. Здесь деепричастие *улыбаясь* обладает эмосемами *любовь, ласка, нежность*, что находит отражение в положительной оценочности коннотата. Суффиксы, свойственные деепричастиям, придают грамматической форме книжную окраску, образуя стилистический компонент лексического значения.

Характеристика действия, выраженного деепричастием, в контексте зависит от его вида. Так, несовершенный вид деепричастия *улыбаясь* обозначает «неограниченное предельное действие». Ср.: – *У вас в лесу покойники, – улыгнувшись, сказала москвичка* (П.Ф. Нилин, Завтра). Здесь *улыгнувшись* имеет форму СВ со значением «ограниченное предельное действие». Вид деепричастия нужно учитывать потому, что эта русская морфологическая категория формально отсутствует в грамматике китайского языка, а семантически отражается в ней разными средствами [Чжао Юньпин, с.87].

Грамматические отношения деепричастия и глагола-сказуемого формируются в результате взаимодействия их лексической и морфологической семантики, что требует анализа глагола-сказуемого в этих аспектах. В приведенном примере глагол-сказуемое *говорила* обладает лексической семантикой «выражать в устной речи какие-л. мысли, мнения, сообщать факты и т.п., произносить что-л.» [МАС т.1, с.322] и грамматическими семами «прошедшее время», «НСВ».

Таким образом, и деепричастие, и глагол-сказуемое характеризуются одинаковой формой вида, что свидетельствует о наличествующих между ними отношениями одновременности. В этом случае порядок следования в предложении деепричастия и глагола-сказуемого не является неизменяемым. Однако позиция деепричастия, отмеченная выше, и то, что его можно заменить предложно-падежной формой существительного *с улыбкой*, позволяет уточнить синтаксическую роль деепричастия: в предложении оно занимает позицию обстоятельства образа и способа действия. Это подтверждается вопросом, который можно поставить к

члену предложения, выраженному деепричастием: *Как говорила мать?*. Преобразование такого предложения в соответствующее сложноподчиненное предложение не осуществляется, потому что между двумя действиями, выраженными деепричастием и глаголом-сказуемым, не может поставлен подчинительный союз. Таким образом, деепричастие *улыбаясь* в данном предложении проявляет ведущее свойство деепричастия – способность называть сопутствующий признак другого действия. Именно поэтому мы не включаем в состав парадигмы союзное сочинительное предложение (*улыбалась и говорила*).

Таким образом, выявленное грамматическое отношение деепричастия к глаголу-сказуемому в данном предложении, является единственным. Это определяет способ перевода деепричастия *улыбаясь* на китайский язык, в частности выбор средства передачи единственного значения обстоятельства способа и образа действия.

3. Выбор китайского средства передачи данного деепричастия и перевод с опорой на трансформационно-семантическую модель.

Мыслительные операции, определяющие выбор переводческого соответствия, отражены в следующей процедуре анализа:

1) При анализе деепричастия мы имеем дело с поверхностной структурой, которая требует преобразования в ядерную;

2) Русские ядерные структуры, возникающие в результате преобразования предложения ИЯ, имеют вид: *Мать улыбалась, мать говорила*;

3) Китайские ядерные структуры, полученные в результате перекодирования, полностью соответствуют русским *母亲笑了* (букв.: мать улыбалась); *母亲说了* (букв.: мать говорила);

4) В процессе трансформации китайских ядерных структур в поверхностные структуры они объединяются в одно предложение с использованием суффиксом «着», которое может передать грамматическое отношение способа и образа действия глагола «улыбаться» к действию «говорить». Такой перевод удачен еще и потому, что он передает такой элемент коннотации лексемы, как принадлежность к книжному стилю: *母亲笑着说*。 (В нашем переводе используется конструкция с суффиксом «着», обратный перевод на русский язык не осуществляется).

Что касается передачи эмоции, то выбранное китайское соответствие не создает проблем, потому что эмоциональность как компонент лексического значения китайского глагола «笑» отчетливо отражена в контексте.

II. Научный стиль.

В научном стиле изо всех элементов коннотации у лексемы сохраняется лишь признак стилистической маркированности, что следует учитывать при предпереводческом анализе. В то же время именно в этом стиле встречается значительное число транспозиций деепричастия, которые

нужно учитывать при переводе. Например:

«Текстовые категории (содержательные, структурные, строевые, функциональные, коммуникативные), будучи сущностно разными, не слагаются друг с другом, а налагаются друг на друга, рождая некое единое образование, качественно отличное от суммы составляющих» (Н.С.Валгина. Теория теста).

1. Ориентация на роль деепричастия в структуре предложения и отношения с субъектом и предикатом.

При анализе предложения нами была отмечена деепричастная форма – *будучи*. Она связывается с подлежащим предложения – *текстовые категории*, обозначая качественный признак. Однако эта деепричастная форма семантически не подчиняется глаголам-сказуемым (*слагаются, налагаются*) и не вступает с ними в грамматические отношения: ни сочинительные (последовательные, или сопоставительно-противительного), ни подчинительные. Следовательно, деепричастная форма не обладает полупредикативностью, что является результатом транспозиции: словоформа *будучи* функционирует в роли предлога со значением «в качестве», «как»³. Это подтверждает тот факт, что в отличие от деепричастий или образованных от них наречий слово *будучи* не может употребляться изолированно от контекста, то есть обязательно входит в состав оборота, элементами которого выступают именные части речи. Существительные и полные прилагательные употребляются при этом в форме творительного падежа.

В этом предложении использована и другая деепричастная форма – *рождая*, которая имеет зависимые слова (*некое единое образование, качественно отличное от суммы составляющих*) и потому сохраняет глагольную семантику. Эта деепричастная форма и ее зависимые слова подчиняются и подлежащему (*текстовые категории*), являющемуся ее субъектом, и сказуемому (*налагаются*), характеристику которого она обогащает, что определяет полупредикативные отношения между ними. В этом случае словоформа *рождая* квалифицируется как деепричастие.

2. Анализ семантики деепричастия в контексте.

Поскольку словоформа *будучи* в данном предложении является предлогом, который в составе предложно-падежной конструкции служит для определения подлежащего, то на данном этапе анализа она не нуждается в описании посредством трансформационно-семантической модели.

Деепричастие *рождая* в данном предложении имеет следующие семантические признаки:

– компоненты лексического значения (*рождая* → *родить*: «Дать (давать) начало чему-л., создать (создавать), послужить (служить) причиной

³ Одно из значений слова «как» в «МАС» объясняется как «Присоединяет обороты, имеющие оттенок сравнения, означает *в качестве, будучи*» [МАС т.2, с.17].

появления чего-л.» [МАС т.3, с.724] Как уже было сказано, в тексте нехудожественного стиля коннотация проявляется только в форме книжной окраски;

– признак морфологического значения: НСВ.

Глаголы-сказуемые *слагаются, налагаются* в данном контексте имеют такие языковые признаки:

– лексическое значение глагола *слагаться* – «Прибавляться, образуя сумму (о числах)», а *налагаться* – «Добавляться, присоединяться к уже имеющейся информации».

– признаки их морфологического значения: НСВ, настоящее время в расширительном значении.

Особо следует сказать о том, что все три значения возникли в результате метафорического переноса, но к настоящему времени их образность стерлась, поэтому речь идет о потухших метафорах, являющихся приметой книжного (научного) стиля.

На основе проанализированной семантики деепричастия и глаголов-сказуемых мы можем задавать вопросы *Как налагаются? В каких целях налагаются?* В этом случае выявлен тип грамматического отношения деепричастия к глаголу-сказуемому – неопределенный. Данный прием способствует определению синтаксической функции деепричастия. С учетом этих двух вопросов и местоположения деепричастия – постпозиции по отношению к глаголу-сказуемому – синтаксическая функция деепричастия определена нами как обстоятельственная (образ и способ действия, цель).

3. Выбор китайского средства передачи данного деепричастия и перевод с опорой на трансформационно-семантическую модель.

Прежде всего мы рассмотрим перевод словоформы *будучи* как транспозита деепричастия. Поскольку в китайском языке существует слово «作为», функционально сходное со словом *будучи* в значении «как», «в качестве», «в виде», мы переведем фрагмент предложения *будучи сущностно разными* на китайский язык 作为本质上不同的各种范畴 (букв. как сущностно разные категории).

Мыслительные операции, определяющие выбор переводческого соответствия для деепричастия, отражены в следующей процедуре анализа:

1) При анализе деепричастия мы имеем вид с поверхностной структурой, которая требует преобразования в ядерную;

2) Русские ядерные структуры, возникающие в результате преобразования предложения ИЯ, имеют вид: *текстовые категории (содержательные, структурные, строевые, функциональные, коммуникативные) не слагаются друг с другом, а налагаются друг на друга; они сущностно разные; они рождают некое единое образование, оно качественно отличается от суммы составляющих.*

3) Китайские ядерные структуры, возникающие в результате перекодирования, почти полностью соответствуют русскими: 各种篇章范畴 (内容、结构、层次、功能、交际) 不是相互拼合, 而是相互补充 (букв.: *текстовые категории (содержательные, структурные, строевые, функциональные, коммуникативные) не слагаются друг с другом, а налагаются друг на друга*); 它们实质上是不同的 (букв.: *они сущностно разные*); 它们产生某种统一体, 其性质上有别于各成分组成的总量 (букв.: *они рождают некое единое образование, которое качественно отличается от суммы составляющих*).

4) В процессе трансформации китайских ядерных структур в поверхностные они могут объединяться в СПП с союзом «为了» (для того, чтобы), который передает грамматическое значение цели, или в предложение с конструкцией, возглавляемой маркером «地», которое передает грамматическое значение деепричастия – образа и способа действия. Однако, поскольку это деепричастие употребляется в тексте не художественного стиля, мы отдаем предпочтение БСП, позволяющему максимально передать неопределенную грамматическую семантику деепричастия. Таким образом, мы получим перевод: 作为本质上不同的各种篇章范畴 (内容、结构、层次、功能、交际) 不是相互拼合, 而是相互补充, 产生某种统一体, 其性质有别于各成分组成的总量。(близкий перевод: *Текстовые категории (содержательные, структурные, строевые, функциональные, коммуникативные), как сущностно разные, не слагаются друг с другом, а налагаются друг на друга, рождают некое единое образование, которое качественно отличается от суммы составляющих*).

Таким образом, процесс перевода деепричастия на китайский язык осуществляется на основе результатов предпереводческого анализа грамматической формы в рамках контекста анализа и с учетом принципов выбора эквивалентов.

При рассмотрении типологии китайских средств передачи русского деепричастия, кроме тех, которые традиционно используются в структурно-функциональной системе китайской грамматики, мы обнаружили второстепенные, на которые целесообразно обратить внимание, потому что они не служат второстепенным сказуемым или обстоятельством, – это перевод деепричастия китайским определением, сказуемым главного предложения СПП китайского языка, сказуемым при эллипсе исходного сказуемого русского предложения, самостоятельным простым предложением с использованием приема членения предложений.

Основными языковыми средствами перевода деепричастия являются общеупотребительные средства структурно-функциональной системы китайского языка, передающие семантику деепричастия (устойчивые соответствия). Кроме них, переводчики могут употреблять индивидуальные средства передачи деепричастий. Учитывая

факультативный характер их использования, а также то, что они характеризуются контекстуальным использованием, мы называем их **речевыми средствами перевода деепричастия**. По сравнению с речевыми средствами языковые соответствия более устойчивы, стабильны, мотивированы и могут быть использованы в преподавании методики перевода. Речевые средства отражают индивидуальную переводческую стратегию.

В **заключении** обобщаются основные результаты и намечаются перспективы дальнейшего изучения проблематики исследования.

Все сказанное свидетельствует о том, что гипотеза, выдвинутая в кандидатской диссертации, и положения, вынесенные на обсуждение, нашли подтверждение в ходе анализа.

Перспективы данной работы состоят в дифференцированном исследовании грамматической семантики деепричастия в текстах различных функциональных стилей для установления стилистических особенностей, необходимых для реализации потенциала грамматического значения и поиска китайских соответствий.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях автора:

в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК Министерства образования и науки РФ

1. Лю Ди «О возможностях перевода русского деепричастия на китайский язык» // *Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом.* - 2011. - №2. - С. 46-48. 0,3 п.л.
2. Лю Ди «Типология средств передачи грамматической семантики русского деепричастия в китайском языке» // *Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: русский и иностранные языки и методика их преподавания.* - 2011. - №4. - С. 51-59. 0,5 п.л.
3. Лю Ди «Средства достижения прагмасемантической эквивалентности при переводе русского деепричастия на китайский язык» // *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия «Филологические науки».* - 2011. - №4. - С. 61-71. 0,6 п.л.
4. Лю Ди «Транспозиция деепричастий в аспекте их перевода на китайский язык» // *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода.* - 2012. - №1. - С. 73-81. 0,5 п.л.

научные статьи, материалы докладов, опубликованные в периодических изданиях, журналах, сборниках

5. Лю Ди «Изучение русского деепричастия в Китае» // *Русский язык – язык общения и*

профессии: Сборник научных трудов преподавателей и стажёров кафедры русского языка как иностранного МПГУ. – М.: МПГУ, 2011. - С. 105-108. 0,25 п.л.

6. Лю Ди «Проблема «безэквивалентных грамматических единиц» при обучении иностранному языку» // Иноязычное образование в современном мире. Часть вторая. Сборник научно-методических статей. – М.: ООО «Правда-Пресс», 2012. – С. 9-13. 0,25 п.л.
7. Лю Ди «Китайская русистика о проблемах и возможностях перевода русского деепричастия» // Вестник МАПРЯЛ. - 2012. - №70. - С. 49-54. 0,5 п.л. (http://www.mapryal.org/vestnik_mapryal)